

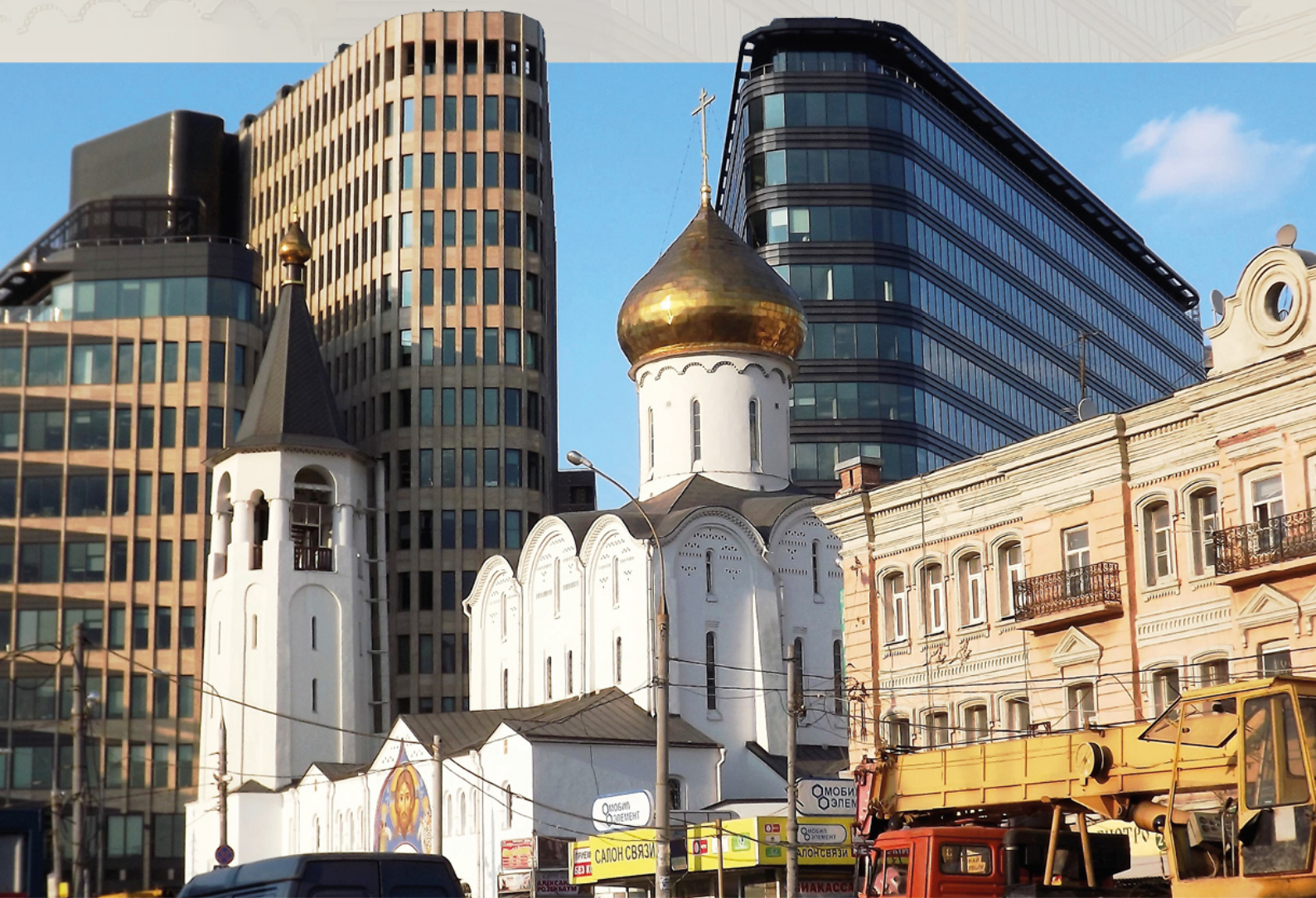

Роберт Аргенбрайт

•

Москва строящаяся

Градостроительство, протесты градозащитников
и гражданское общество

Современная западная русистика

«Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»

Роберт Аргенбрайт

**Москва строящаяся.
Градостроительство,
протесты градозащитников
и гражданское общество**

«Библиороссика»

2016

УДК 3 64.122
ББК 66.03(Рос=Рус)

Аргенбрайт Р.

Москва строящаяся. Градостроительство, протесты
градозащитников и гражданское общество / Р. Аргенбрайт —
«Библиороссика», 2016 — («Современная западная русистика» /
«Contemporary Western Rusistika»)

ISBN 978-5-6046148-4-6

«Москва строящаяся» исследует рост противодействия практике хищнической реконструкции Москвы не только как недавнюю историю, но и с позиции современных теорий урбанистики. Объектами внимания автора становятся деятельность отдельных активистов и инициативных групп граждан; напряжение, возникшее после между мэрией Москвы и градозащитным движением после запуска «редевелоперской машины» Ю. М. Лужкова; конфликт вокруг Малого Козихинского переулка, а также последствия политической борьбы для вовлеченных в нее людей. Рассчитана на широкий круг читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 3 64.122
ББК 66.03(Рос=Рус)

ISBN 978-5-6046148-4-6

© Аргенбрайт Р., 2016
© Библиороссика, 2016

Содержание

Список иллюстраций	6
Благодарности	9
Глава первая	11
Прагматический взгляд на урбанистику	13
Жизнь как череда обустриваемых мест	17
Обустройство места	19
Глава вторая	24
Призрачный переходный период[10]	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Роберт Аргенбрайт

Москва строящаяся Градостроительство, протесты градозащитников и гражданское общество

*Моей матери, Маргарет П. Аргенбрайт, с глубочайшей
благодарностью и любовью, а также светлой памяти моего отца,
Филмора А. Аргенбрайта*

Robert Argenbright
Moscow under Construction
City Building, Place-Based Protest, and Civil Society

LEXINGTON BOOKS
Lanham • Boulder • New York • London
2016

Academic Studies Press Библиороссика Бостон / Санкт-Петербург 2021
Robert Argenbright

© Robert Argenbright, текст, 2016
© А. А. Рудакова, перевод с английского, 2021
© Academic Studies Press, 2021
© Оформление и макет ООО «Библиороссика», 2021

Список иллюстраций

Ил. 0.1. Административные округа Старой Москвы

Карта-схема автора

Ил. 0.2. Районы Центрального административного округа

Карта-схема автора

Ил. 3.1. Апартаменты в Малом Козихинском переулке, 11

Фото автора

Ил. 4.1. «Созидательное разрушение» являлось неотъемлемой частью лужковской «московской модели»

Фото автора

Ил. 5.1. Снос гостиницы «Москва» в 2004 году

Фото автора

Ил. 5.2. После пожара уцелели лишь наружные стены Манежа

Фото автора

Ил. 6.1. Фасад дома Привалова. 2015

Фото автора

Ил. 6.2. Шуховская башня. 2015

Фото автора

Ил. 7.1. Бутово – 2006: «Закон один для всех», «Сила – не аргумент», «Это наша земля!»

Фото автора

Ил. 7.2. Противники уплотнительной застройки. 2007

Фото автора

Ил. 7.3. Точечная застройка в Щукине. 2007

Фото автора

Ил. 7.4. Митинг градозащитников. 2009

Фото автора

Ил. 7.5. Вход градозащитников на митинг через металлодетекторы. 2009

Фото автора

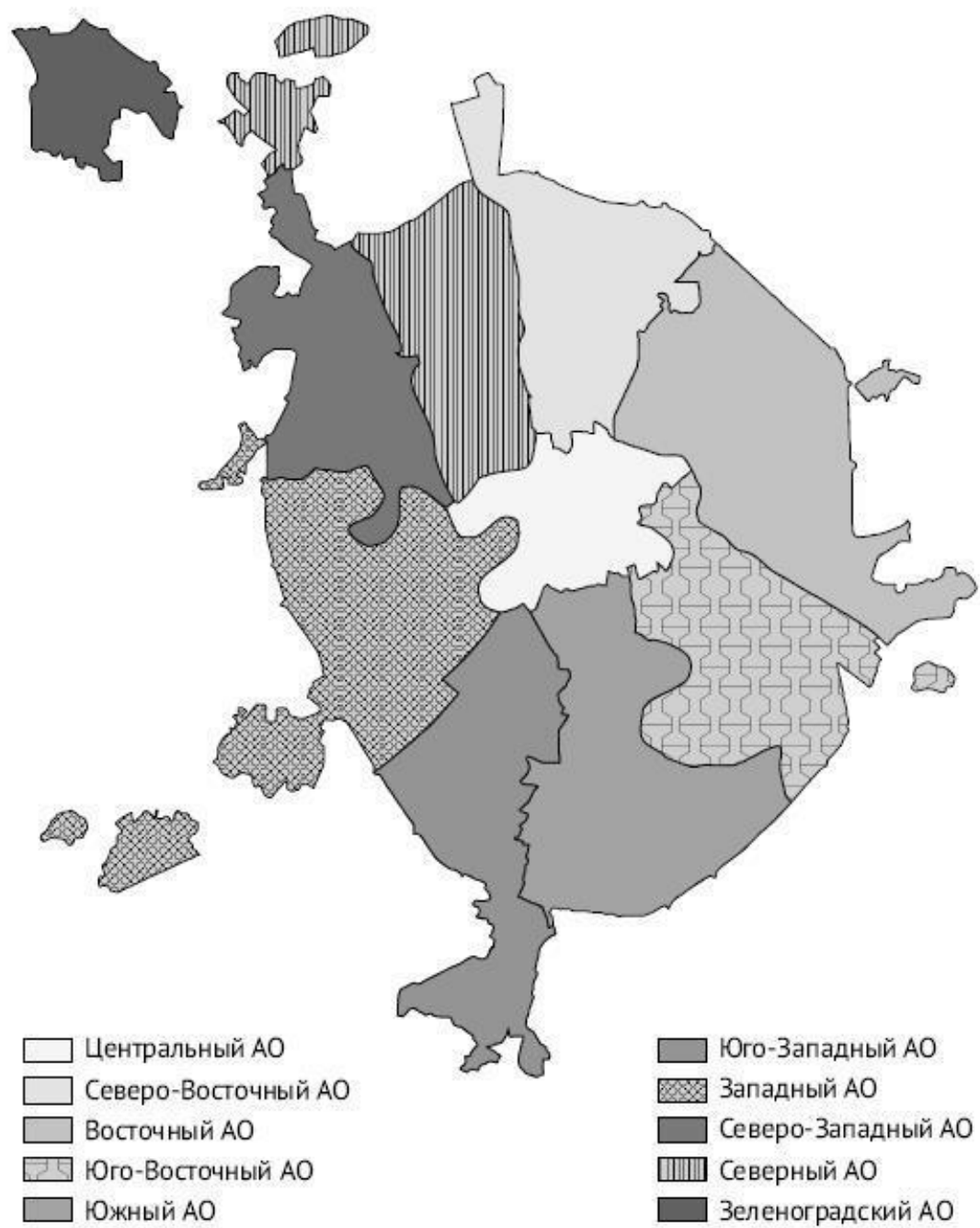
Ил. 7.6. Новая церковь в Юго-Западном административном округе. 2015

Фото автора

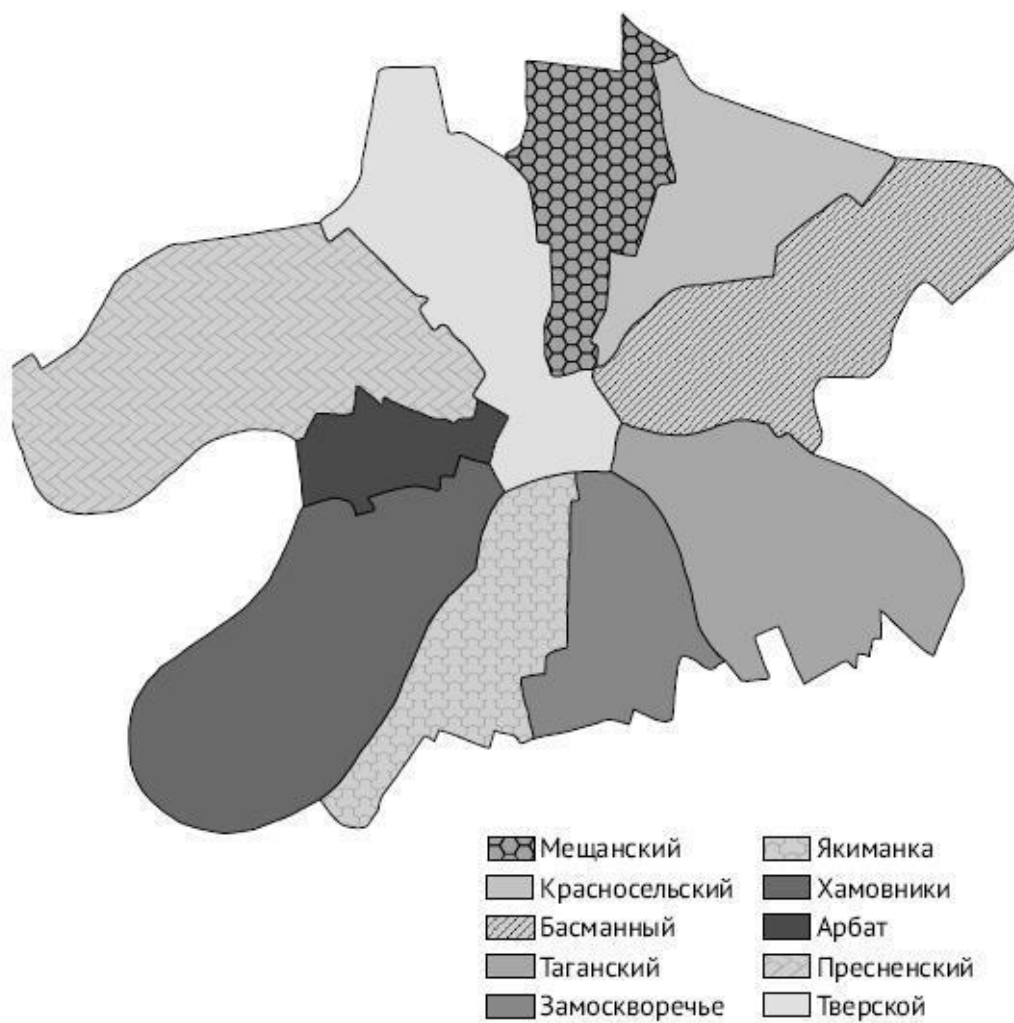
Ил. 7.7. Плакат сторонников сохранения Парка Торфянка. 2015

Фото автора

Ил. 0.1. Административные округа Старой Москвы

Ил. 0.2. Районы Центрального административного округа

Благодарности

Сумбурный проект, из которого родилась эта книга, возник около 20 лет назад, в один солнечный московский день, когда меня осенило, что, наряду с исследованием исторических документов, я мог бы заняться изучением современной трансформации города. С тех пор проект разросся, словно выйдя из-под контроля. Все это время многие люди комментировали мою работу на конференциях и в частных беседах. Я признателен каждому за попытку помочь мне, хотя в преддверии старческого слабоумия всех имен не припомню. Прошу прощения за свою забывчивость и благодарю вас всех.

Мне потребовалось бы на несколько лет больше, чтобы завершить эту работу, если бы в 2013 году Национальный совет евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER) не присудил мне грант Национального конкурса научных исследований, средства на который выделяет Государственный департамент США в соответствии с разделом VIII Закона о советских и восточноевропейских исследованиях и подготовке кадров 1983 года, в действующей редакции. NCEEER не несет ответственности за анализ и интерпретации, представленные в этой книге. Я выражаю благодарность Джули Баклер, Моне Домош, Владимиру Колосову, Бет Митчнек и Джону О'Лафлину, поддержавшим мои усилия по получению гранта на данный проект.

Работая в Университете Северной Каролины в Уилмингтоне (UNCW), я дважды удавалось получить гранта на летний научно-исследовательский проект – в 2001 и 2006 годах. Кроме того, в осеннем семестре 2002 года я получил в UNCW грант на научное перепрофилирование (весьма напоминавшее академический отпуск). Впоследствии я был приятно удивлен тем, что никто, кажется, не возражал, чтобы я работал над данным проектом, а не над историческим исследованием, упомянутом в моем заявлении на грант.

Возможно, меня бы не приняли на работу в UNCW, если бы не поддержка Сьюзен Маккафрэй с исторического факультета. На протяжении многих лет она оказывала огромное влияние на мои представления о России и была мне бесценным другом. Я благодарю Майкла Сайдмена, также сотрудника исторического факультета UNCW, за интеллектуальную поддержку, за вдохновение, которое я черпал в наших с ним беседах, и его вдумчивую деятельность. Кроме того, я благодарен Элизабет Хайнс, Дэвиду Блэйку и другим доброжелательным коллегам с факультета географии и геологии, или как он там сейчас называется, которым (обычно) удавалось сохранять невозмутимый вид, когда я распространялся о своей нескончаемой работе над книгой.

Я чрезвычайно обязан бывшему декану Колледжа поведенческих и социальных наук Университета Юты Дэвиду Радду за своевременную и бескорыстную поддержку. Не знаю, что бы я без него делал. Также я очень благодарен декану Синтии Берг за то, что эта поддержка продолжается и ныне.

Как говорилось выше, я представлял различные части своего исследования на многих научных конференциях. Разворачивавшиеся дискуссии оказались весьма полезны, и я благодарю всех, кто комментировал мой труд. Особенно рад, что мне довелось неоднократно работать с Меган Диксон и Екатериной Макаровой. Кроме того, один из моих докладов подверг доскональному разбору на конференции 2006 года Блэр Рубл, за что я ему очень признателен.

Было чрезвычайно приятно работать с Брайаном Хиллом и Эриком Кунцманом из «Лексингтон букс». Помимо этого, я весьма ценю пронизательный и полезный отзыв анонимного ученого.

В Москве я извлек огромную пользу из бесед с Екатериной Бычковой и Машей Липман. Также я крайне признателен своим друзьям-географам Виктории Битюковой, Владимиру Колосову и Ольге Бендиной. Все они были очень великодушны. Искренне благодарю и своих

друзей-негеографов, очень много сделавших для того, чтобы помочь мне понять московскую жизнь: Константина и Татьяну Гросицких, Надежду Малофееву, Наталью Никифорову, Елену Платонову, а также Зарифу и Станислава Богословских.

Наконец, я безмерно благодарен любви всей моей жизни, товарищу и жене – Патрисии Кериг.

Глава первая

Обустройство города

В данной работе исследуются рост локального противодействия практике хищнической реконструкции Москвы и последовавшие за ним перемены в системе городского управления. Говоря точнее, активисты, о которых идет речь в этой книге, занимались защитой домов, кварталов, архитектурных памятников и исторических районов. Борьба за подобные объекты велась людьми, которые не ставили своей первоочередной целью построение гражданского общества или углубление демократизации. Градозащитники и возмущенные москвичи самоорганизовывались в «инициативные группы» и «общественные объединения», чтобы отстаивать конкретные городские памятники, высказывать свое мнение об изменении облика столицы и влиять на процесс планирования. Таким способом москвичи добивались «права на город», по крайней мере в своих районах, но чаще всего – в масштабах города.

В рассказе о московских градозащитниках должно найтись место их партнеру, а зачастую и противнику в процессе обустройства городской среды – мэрии. Бывший мэр столицы Ю. М. Лужков возглавил «редевелоперскую машину», которая изменила облик Москвы столь масштабно и кардинально, что заслужила сравнение со сталинской эпохой. Деятельность Лужкова приводила в негодование представителей всех слоев общества и жителей большинства городских районов. К 2010-му, году своей отставки, он был широко известен не только как коррумпированный, но и как равнодушный чиновник. Новый мэр С. С. Собянин при назначении на пост столкнулся с серьезными трудностями, не последней из которых стало завоевание доверия скептически настроенных москвичей. Возможно, больше всех были ожесточены активисты-градозащитники, однако Собянин с самого начала работал над тем, чтобы поставить отношения между «градостроителями» и «градозащитниками» на новую основу.

Политическая борьба за среду обитания зачастую меняет людей, порядки и установления. Градозащитники учатся и адаптируются; в процессе противостояния они до известной степени перековываются, становясь более сознательными и полезными гражданами. Таким образом, утверждаю я, эти люди создают гражданское общество, точнее, запускают процесс его формирования. Однако это не может происходить в вакууме. Как говорится ниже, я согласен с С. Грином, который рассматривает «создание гражданского общества как совместную деятельность общества и государства» [Greene 2014: 56]. Как показали Грин и другие исследователи, на практике воспитание гражданского общества не является для российского правительства приоритетом, вопреки его публичным заявлениям¹.

Тем не менее правительство российской столицы, поначалу с раздражением и неохотой, приступило к взаимодействию с группами возмущенных жителей. В последние годы мэрия действительно систематически открывала двусторонние каналы связи с москвичами и даже, хотя и в меньшей степени, поощряла их участие в управлении.

Пусть реформы еще не сделали столицу России мировым лидером в области демократического городского управления, однако дали ощутимые результаты. Активность горожан вместе с положительными изменениями в управлении превратила Москву в другой город – другой по существу, а не только внешне, как потемкинские деревни. Это важно в первую очередь потому, что Москва – столица страны, по-прежнему играющей значительную роль на международной арене. Население Москвы – 12 000 000 жителей (по официальным данным) – больше, чем в половине стран мира. Остальные россияне громко сетуют на подавляющее гос-

---

¹ Впрочем, Г. Робертсон убедительно доказывает, что, осуществляя меры, направленные на «лицензирование» гражданского общества, «Кремль может непреднамеренно помочь созданию в России более прочной основы для демократического развития» [Robertson 2011: 217].

подство столицы, но вместе с тем завидуют ей и нередко подражают ее нововведениям. Более того, нынешнее положение дел – сложный процесс, который для краткости можно было бы назвать «либерализацией», – радикально контрастирует с политической траекторией путинского государственного режима. Полностью объяснить этот парадокс я не в силах, не в последнюю очередь потому, что для этого потребовался бы доступ к внутрикремлевским дискуссиям. Тем не менее в данной книге будет детально показано, что градозащитные движения Москвы и реформирование городского управления расходятся с тем образом России, который существует сегодня у нас на Западе.

Остальная часть этой главы посвящена общим теоретическим вопросам, в частности проблемам обустройства среды обитания (place-making), составляющим основу настоящего исследования. Глава вторая построена на предварительном обсуждении прагматического подхода, а также его противопоставлении подходу «транзитологическому», сосредоточенному на перспективах «смены режима» в России. В нее же, чтобы проиллюстрировать, как вопросы, поставленные в этой книге, обрели для меня личное значение, я включил краткий «путевой дневник» поездок, в результате которых сделался сознательным прагматиком. Глава третья представляет собой краткий разбор конкретной ситуации, рассмотренной более подробно, чем другие примеры, упомянутые в книге. Его цель – как можно полнее продемонстрировать сочетание «несоизмеримостей», которые создают разногласия в сфере обустройства среды обитания. Главы с четвертой по шестую посвящены конфликтам и сотрудничеству «градостроителей» и «градозащитников», сторонников реконструкции и консервации; главы четвертая и пятая фокусируются на эпохе Лужкова, шестая – на времени правления Собянина. В главе седьмой исследуется другой тип локальной оппозиции редевелопменту – борьба за сохранение рядовой застройки. Градостроительные конфликты этой разновидности также способствовали реформированию городского управления и становлению гражданского общества в Москве. В последней главе представлены заключительные выводы.

Прагматический взгляд на урбанистику

Не существует наилучшего способа создания теорий; есть различные способы находить, осмысливать и передавать другим, приводящие к разным результатам, – и различные подходы к политике [Beauregard 2012: 476].

В следующем разделе я подробно остановлюсь на прагматической теории обустройства среды обитания, положенной в основу моего исследования процесса реконструкции Москвы. И здесь же попытаюсь показать иные подходы, то есть, опираясь на обстоятельный труд Р. Борегарда по городской теории, сопоставлю свою точку зрения с другими, которые, возможно, лучше известны исследователям города и урбанистики.

Борегард, утверждавший, что «то, как мы размышляем о мире, столь же важно, если не важнее, чем то, что мы думаем о нем», внес существенный вклад в развитие городской теории, выделив и сопоставив четыре «типа теоретизирования» [Beauregard 2012: 474-475]. Следует отметить, что на практике довольно редко можно найти работу, которая в чистом виде служит примером одного типа, не демонстрируя никаких черт другого или других типов. Целью Борегарда было установить основные и часто используемые «способы познания». Я использую классификацию Борегарда в основном для того, чтобы проиллюстрировать, чего я старался не делать, разъясняя тем самым, что я сделал или, во всяком случае, предполагал сделать. Здесь я изменил последовательность разбора, чтобы сначала рассмотреть две категории, наиболее заметно отличающиеся от моего подхода, прежде чем перейти к двум остальным, которые требуют более подробного анализа.

Борегард начинает с «большой теории», которая использует несколько «точно определенных понятий и строгих зависимостей <...> чтобы ухватить внутреннюю логику исследуемого объекта». Это позитивистский подход в том смысле, что «данные отражают реальность <...> без смещения одного относительно другого» [Beauregard 2012: 477]. Наглядный пример «большой теории» – попытка разработать всеобъемлющую «науку о городе» [Batty 2013]. Данный подход, использующий для отображения городских сетей и потоков модели транспорта и землепользования, демонстрирует красноречивые и потенциально полезные результаты. Но город, разумеется, – это далеко не только сети и потоки, не только то, что можно точно охарактеризовать. М. Бэтти, к его чести, в заключительной части своей книги «Новая наука о городах» признает этот тезис:

Более агрегированные подходы к изучению городов, например основанные на транспортно-землепользовательских моделях, не слишком хорошо стыкуются с дезагрегированными моделями, задействующими отдельных лиц и агентов <...> Макроэкономические подходы, в отличие от микроэкономических, предполагают различные взгляды на городскую систему, в то время как многие типичные процессы имеют отчетливые последствия, которые не так легко измерить и смоделировать. Короче говоря, многие важные аспекты городов трудно исследовать с помощью применяемых здесь методов и инструментов [Batty 2013: 459].

Это особенно верно, когда думаешь не об «отдельных лицах и агентах», а о людях, эмоционально привязанных к местам, уникальность которым в значительной степени придает вышеупомянутая личная привязанность. Люди здесь живут; это не взаимозаменяемые «второстепенные места», которые можно «заместить» [Sack 1997: 32]. Места, которые защищают москвичи, – общие; они отличны от «не-места», где люди испытывают «одиночество индивидуальности, объединенное с взаимодействиями между индивидом и властью общества, лишенными человеческого посредника» [Оже 2017: 132]. Они состоят из «несоизмеримых» людей

и обстоятельств и связаны с ними. Кроме того, людей, которые настолько привязаны к этим местам, что борются за них, сопротивляясь вмешательству государства, нельзя «точно определить», потому что через активное противодействие они изменяют себя, обретая новые понятия и возможности.

Следующая категория, выделенная Борегардом, – «интертекстуальность»: интертекстуальное исследование направлено на то, чтобы «установить несоответствия, выявить различия и сходства и расширить наше понимание посредством критики» [Beauregard 2012: 482]. Известный пример интертекстуального теоретизирования – работа К. Тадджахша «Обещание города» [Tajbakhsh 2001]. Внимательно изучив труды М. Кастельса, Д. Харви и А. Кацнельсона, Тадджахш стремится «исследовать несостоятельность наиболее значительных откликов на критику классового редукционизма и продолжать предлагать альтернативные способы видения идентичности, структуры и пространства, которые лишены этих недостатков» [Tajbakhsh 2001: 4].

В настоящем исследовании, как и во всех научных работах, цитируются труды, тематически связанные с рассматриваемыми вопросами и проблемами, однако основное внимание в книге уделено описанию и интерпретации определенных типов конфликтов и изменений в Москве. Я не пытаюсь создать теорию из теории. «Есть различные способы», и интертекстуальность – не мой способ, но из многочисленных работ этого направления я почерпнул немало полезного. Например, недавно К. Барнетт и Г. Бридж выдвинули интертекстуальный аргумент в защиту «агонистического прагматизма», который повлиял на мои представления о демократической политике [Barnett, Bridge 2013]. Еще один пример – «Странные места» А. Когл [Kogi 2008] – выдающееся, большей частью интертекстуальное исследование «политических потенциалов и угроз повседневных пространств», если цитировать подзаголовок книги.

Третья категория – критическая теория – занимает важную позицию во всех общественных науках, включая городскую географию и планирование. Общественно-научная критическая теория многим обязана марксизму и обладает по меньшей мере несколькими достоинствами и недостатками своего родоначальника. Как объясняет Борегард, «задача критической теории – отделить то, что произошло, от того, что потенциально могло бы произойти» [Beauregard 2012: 481]. В этом отношении «разрыв между действительностью и потенциальностью – то, что отделяет общество, какое оно есть, от того, каким оно могло бы быть» [Beauregard 2012: 479].

Хотя критическая теория, как и марксизм, порой претендует на большую научность по сравнению с другими подходами, она, как правило, полностью отвергает позитивизм. Однако необходимость этого не очевидна. Можно отвергнуть аргумент позитивизма, что «то, что действительно существует, есть все, что может существовать» [Beauregard 2012: 479], не впадая в противоположную крайность – взгляд на материальную действительность как на состоящую только из «видимостей» или «инстанциаций». Можно стремиться изменить мир по многим веским причинам, но отправная точка должна существовать здесь и сейчас, где простые факты, или «конъюнктуры», могут быть жизненно важными. Вопреки гениальному К. Марксу никакого противоречия между «истолкованием» и «изменением» мира быть не должно.

...никто никогда не видел политической экономики <...> Политико-экономическая система — лингвистическое понятие, созданное на основе умозаключений и используемое для описания совокупности взаимоотношений, которую мы можем постичь лишь частично [Fischer 2009: 58].

С точки зрения прагматиста значительная часть работы, проделанной под знаменем критической теории, обладает тремя существенными недостатками. Во-первых, рассуждения зачастую оказываются чрезмерно дедуктивными и редуктивными, если не откровенно тавтоло-

гичными. Дж. Дьюи сетовал, что «подобные теории просто-напросто выставляют под именем так называемых причин те явления, которые как раз и требуют объяснения» [Дьюи 2002:11]. Прибегну к упрощению, чтобы подкрепить это утверждение. Основной критический аргумент слишком часто напоминает следующую логическую цепочку: глобализация (или какой-то иной «социальный фактор», который можно только вообразить во всей его полноте) – причина всех значимых событий; здесь мы сквозь призму теории глобализации демонстрируем, что значимые события безусловно являются продуктами глобализации; следовательно, глобализация – причина всех значимых событий.

Второй недостаток состоит в том, что «потенциальность», к достижению которой стремится критическая теория, понимается слишком узко и расплывчато. Это цель, основанная на смутном представлении о другом общественном строе и обозначенная в первую очередь отсутствующими (эксплуатация, подавление и т. д.), а не наличествующими чертами². Зачастую критическая теория весьма умело освещает отрицательные стороны мира, притом что ее представления о положительном на редкость невыразительны. Иногда положительное прямо противоположно отрицательному. Однако такое понятие, как «свобода от эксплуатации», бессодержательно. Звучит прекрасно, но что же на самом деле? Когда конечная цель состоит из одних лишь лозунгов, невозможно разработать способы ее достижения, которые сами могли бы подвергнуться критическому изучению. Если же средства достижения цели нельзя всесторонне проанализировать, то все усилия по построению лучшего мира могут пойти насмарку, как произошло, например, в Кампучии. Прагматизм, напротив, предусматривает разбор последствий деяния до его совершения [Дьюи 2002; Dewey 1993: 230-233].

Критическая теория «радикальна» в том плане, что она стремится изменить общество вплоть до его предполагаемых истоков. Отсюда третий недостаток, заключающийся в том, что критическая теория часто усваивает инструментальный, и в конечном счете презрительный взгляд на изменения, которые не являются революционными. Д. Харви ставит вопрос: «Почему “право на город” не может стать ключевым мобилизующим лозунгом для антикапиталистической борьбы?» [Harvey 2012: 136]. На ум приходят два ответа. Во-первых, у жителей, отстаивающих право на свой город, может не хватать времени и ресурсов, чтобы заниматься политикой более серьезно. Во-вторых, люди, вовлеченные в городскую политическую борьбу, могут воспринимать свое дело иначе, чем последователи критической теории, рассматривающие его извне; очень часто активисты считают, что борются за «справедливость». В случае победы они скорее всего, ощутят, что обрели уверенность и улучшили свою жизнь. Они вполне могут удовлетвориться и этим, по крайней мере до тех пор, пока не появится очередная невыносимая несправедливость. Но для критической теории этого было бы недостаточно. «...Мы не можем обойтись без понятия справедливости по той простой причине, что ощущение несправедливости исторически являлось одним из мощнейших стимулов для стремления к социальным переменам» [Harvey, Potter 2009:41]. Многие люди боролись за справедливость ради нее самой. Победа над несправедливостью – это и есть социальная переменная, если не «стремление» к (действительно значительным) социальным переменам.

Последняя категория в классификации Борегарда – «эвристические теории», которые представляют собой «перечни значимых факторов, подлежащих рассмотрению; другое определение – разнообразие подходов» [Beauregard 2012: 481].

Цель – направлять теоретика, а необходимый навык – отбирать те факторы (эвристические установки), которые отражают ключевые процессы и условия рассматриваемого городского феномена <...> Это зачастую принимает интерпретативную форму, когда теоретик берется за поиски

² См., например, «диалектический утопизм» Д. Харви, в частности, его видение будущего общества – «Эдидию» [Harvey 2000].

понимания (*verstehen*), а не причинной обусловленности. Данное понимание нередко может перемещаться в область политики и, таким образом, связывает эвристическое теоретизирование с критическим [Beauregard 2012: 481].

В этом отношении классическим примером является статья Ш. Арнштейн «Лестница гражданского участия» [Арнштейн 2002]. Рассматриваемая лестница состоит из ступеней, которые должны попытаться преодолеть граждане, в частности неимущие и малообеспеченные городские жители, чтобы добиться большего участия в городском управлении. Ступени от низшей (наименьшая власть) до высшей (наибольшая власть) наименованы: «манипулирование», «психотерапия», «информирование», «консультирование», «умиротворение», «партерство», «делегиrowание полномочий», «гражданский контроль». Конечно, «гражданский контроль» звучит лучше, чем «манипулирование», но, возможно, следовало бы проконсультироваться с людьми, о которых идет речь, относительно того, чего они хотят на самом деле и сколько времени и энергии готовы на это выделить. Возможно, граждане предпочли бы некую форму «достаточно хорошего управления» (*good enough governance*) [Grindle 2004; Grindle 2007; Grindle 2012] и в этом случае могли бы осуществлять надзор и право на участие по мере необходимости, не принимая на себя функции «гражданского контроля».

Не так давно С. Файнштейн выдвинула концепцию «справедливого города» и гораздо более определенно, чем это обычно бывает в случае с критическими теориями, указала, как именно следует поступать в отношении конкретных проблем [Fainstein 2010: 172-173]. Она считает эти цели достойными, независимо от того, вносят они заметный вклад в преобразование глобальной политико-экономической структуры или нет. Файнштейн опирается в рассуждениях на реальный пример Амстердама. Я почти не сомневаюсь, что те программы, которые она пропагандирует, позволят улучшить положение большинства городских жителей мира. С другой стороны, я прожил большую часть жизни на Западе. Можно ли утверждать, что ценности, воплощенные в политических методах и институтах Амстердама, годятся для остального мира? [Novy, Mayer 2009; Robertson 2006]. Или, говоря точнее, как можно оценивать город? Может ли существовать список обязательных ценностей или образцовый город, устанавливающий стандарты для всех прочих? И здесь я вновь настаиваю, что наша главная забота должна заключаться в том, чтобы понять, как оценивают город сами его жители, и лучший способ сделать это – понаблюдать, что они готовы сделать и чем пожертвовать, чтобы привести место своего проживания в соответствие с собственными ценностями и устремлениями. Этот подход согласуется с точкой зрения Дьюи:

Достигнутое нами понимание может служить критерием того, насколько хорошим или плохим является каждое конкретное государство, то есть оно позволяет нам установить, в какой степени чиновники данного государства способны выполнять функцию защиты интересов общества [Дьюи 2002: 28].

Жизнь как череда обустраиваемых мест

Географов, вероятно, мало интересует социальная морфология как таковая. Социологов, в свою очередь, она очень интересует. Географов, как и историков, традиционно интересует больше действительное, чем типическое. Где действительно располагаются вещи? Что действительно произошло? Вот вопросы, на которые пытаются ответить география и история [Парк 1926: 2].

Возможно, многие люди до сих пор разделяют взгляды Р. Парка на географию и историю, пусть несколько наивные даже для того времени. Парк не предвидел, до какой степени география и история в последующие десятилетия будут интересоваться «типическим». В географии за послевоенной «количественной революцией», которая стремилась превратить эту отрасль знания в «пространственную науку», последовали, хотя и не вытеснили ее, гуманистический, марксистский, феминистский и другие «периоды» [Cresswell 2013]. Несмотря на множество различий, все основные направления гуманитарной географии, возникшие за последние 50-60 лет, занимались построением теории.

Парк являлся знаковой фигурой в урбанистике – области, которая весьма плодотворно пересекается с гуманитарной географией и также обладает чрезвычайно проработанной теорией. Согласно расчетам, произведенным в 2004 году, существует более 100 различных концепций, описывающих урбанистические процессы [Taylor, Lang 2004]. С тех пор эта тенденция не ослабела. Результаты оказались неоднозначными, но, безусловно, возникло много важных концепций. Однако, как заметил Борегард, из виду может быть упущен «настоящий» город. «Дистанцируясь от реального опыта городов или же погружаясь в универсальные абстракции, городская теория всегда рискует утратить связь с городом» [Beauregard 2008: 242].

Подобная «утрата связи» с действительностью была выявлена почти столетие назад Дьюи в книге «Общество и его проблемы» (1954), а недавно вновь подверглась жесткой критике со стороны Б. Латура, о чем будет сказано ниже. Дьюи сетовал по поводу теорий, которые «выставляют под именем так называемых причин те явления, которые как раз и требуют объяснения». Такие подходы «...в лучшем случае объясняют все в общем и в целом и ничего в частности» [Дьюи 2002: 12].

Без нашего ведома и намерения термин «государство» незаметно втягивает нас в разбор логических взаимоотношений разнообразных идей, уводящий от фактов человеческой деятельности [Дьюи 2002: 11].

Замените «государство» на «город», и это предложение будет точно описывать большую часть современных урбанистических теорий. Возвращение к «фактам человеческой деятельности» – отправная точка акторно-сетевой теории (АСТ). Данная книга не является практическим приложением АСТ, а меня не следует считать приверженцем АСТ (АСТистом?)³, но я ценю уважение Латура к прагматическому подходу Дьюи и У Липпмана [Marres 2005]⁴. В этом отношении я следую примеру многих своих коллег, которые изучали, как гуманитарная география может извлечь пользу из взаимодействия с прагматизмом [Barnett, Bridge 2013; Cutchin 1999; Hepple 2008; Hobson 2006; Proctor 1998; Smith 1984; Wescoat 1992]. Особенно важным событием явился выпуск журнала «Геофорум», посвященный прагматизму. Его редакторы Н.

---

³ См. приложение.

⁴ Мнение, что Дьюи и Липпман были интеллектуальными антагонистами, разработавшими противоположные учения, широко распространено и растиражировано. С. Янсен убедительно доказала обратное, утверждая, что «эти два человека являлись союзниками, посвятившими себя общему делу: реформированию демократии применительно к современным условиям» [Jansen 2009: 222].

Вуд и С. Смит [Wood, Smith 2008] дали превосходное определение прагматизма, включая следующую выдержку:

Прагматизм <...> поощряет непредубежденность и скептицизм по отношению к идеям, а также полемику о многообразии опыта различных сообществ, являющихся предметом изучения. Это философия взаимодействия, сама методика которой заключается в исследовании вероятности того, что существуют и другие, более эффективные способы познания мира и (взаимо)действия с ним <...> Прагматизм способствует открытости новым идеям, польза которых определяется в конечном счете практическим применением.

На данный момент я намерен просто принять стремление прагматизма не ставить телегу впереди лошади. В этой связи я нахожу, что специалисты в области общественных наук, начинающие исследование постсоветской России, вооружившись предвзятыми понятиями переходного периода, демократии, гражданского общества, глобализации, неолиберализма и других предполагаемых «социальных факторов», до некоторой степени «перепутали то, что нужно объяснять, с самим объяснением. Они начинают с общества или иных социальных образований, в то время как ими нужно заканчивать» [Латур 2014: 20]. Борегад отметил, что только немногие сегодня подходят к «теории как к логически обоснованной задаче, основанной на непосредственных доказательствах» [Beauregard 2008: 242]. Дьюи отстаивал именно такой подход: «Чтобы предпринять и провести плодотворное социальное исследование, необходим метод, основанный на соотнесении наблюдаемых фактов и их результатов» [Дьюи 2002:29]. Это именно то, что я пытаюсь здесь осуществить, и, должен сказать, это труднее, чем кажется.

Обустройство места

Если человек пытается сравнить две сложные ситуации, он скоро обнаруживает, что очень обременительно держать в голове все детали этих ситуаций. Он использует сокращения в виде имен, знаков и образцов <...>. Но если он забывает о совершенных замещениях и упрощениях, то вскоре скатывается в пустословие, употребляя слова вне связи с объектами. И он не заметит, когда имя, которое он отделил от первого объекта, начнет ассоциироваться с другим объектом [Липпман 2004: 202].

Гуманитарной географии издавна были свойственны разногласия по поводу основных терминов и фундаментальных объектов изучения. В этом отношении для гуманитарной географии нет терминов более важных, чем «пространство» и «место». И поскольку эти понятия в данной сфере до сих пор не устоялись, здесь необходимо дать представление о месте и пространстве, а также о взаимоотношениях между ними. Очевидно, что эти понятия не являются противоположными. В некоторых случаях они используются как синонимы, однако есть веские причины попытаться провести между ними различие.

Исчерпывающее внимание постмодернизма к дискурсу повлекло за собой «пространственный поворот» во многих научных областях. Естественно, гуманитарная география не могла остаться в стороне. К сожалению, многие географы трактуют «социальное пространство» в качестве всеобъемлющего понятия, подобно «обществу», против чего возражает Латур, а до него – Дьюи и Липпман. Считается, что в социальном пространстве находятся каждый из нас и любая вещь *{every thing}*. Порой это буквально воспринимается как «всё» *{everything}*, что, как заметил Дьюи, означает «ничто».

Социальное пространство можно рассматривать как сумму всех мест, способ сосредоточить внимание на «структурных» элементах, из которых они состоят. Но даже такой подход может давать статичную картину. А кроме того, он побуждает к злоупотреблению понятиями «сокращениями» и, как следствие, к «разбору логических взаимоотношений разнообразных идей, уводящему от фактов человеческой деятельности» [Дьюи 2002: 11]. То, что Э. Томпсон писал о своей научной области, следовало бы, на мой взгляд, отнести и к общественной географии: «История – не фабрика по производству “больших теорий”» [Thompson 1978: 46]. И то, что Томпсон высмеивал в работе Л. Альтюссера, сплошь и рядом можно увидеть сегодня: «Системы и подсистемы, элементы и структуры маршируют строем по странице, приносясь людьми» [Thompson 1978: 75].

С моей точки зрения, наибольший интерес для гуманитарной географии должны представлять создание и воссоздание места. Чтобы обустроить место проживания, мы привлекаем людей и вещи, которые не имеют между собой ничего общего, и создаем уникальную совокупность с более или менее определенными размерами, формой, местоположением и продолжительностью, но обязательно связанную с другими местами и временами. Опираясь на А. Лефевра [Лефевр 2015], П. Каннаво возражает против идеи, что место – всего лишь сцена:

Место – не просто вместилище для вещей и отношений. Нет никакого предсуществующего пространства, содержащего в себе место. Напротив, место – это совокупность предметов и отношений, человеческих и нечеловеческих, социальных и экологических, которые накрепко связаны между собой, по крайней мере на какое-то время [Cannavo 2007:20].

Чем место отличается от пространства? Географ И-фу Туан предложил одно из объяснений в книге «Пространство и место»:

На практике значение пространства часто сливается со значением места. «Пространство» более абстрактно, чем «место». То, что начинается как недифференцированное пространство, становится местом, когда мы лучше узнаем его и наделяем ценностью [Tuan 1977: 6].

Знакомство с местом означает, что вы в каком-то смысле делаете его своим, но определение пространства как «недифференцированного» и подразумеваемое условие, что «ценность» – дело сугубо личное, приводят к проблемам. Два человека могут смотреть на один и тот же дом, и первый будет считать его местом, а второй – пространством. Для одного дом – это дом. Человек эмоционально привязался к этому месту как к своему жилищу, чувствует свою принадлежность к нему и делает его частью своей личности. Для другого дом – объект недвижимости, профессионально оцененный в определенную сумму денег. В глазах риелтора дом – это имущество, принципиально ничем не отличающееся от ему подобных, за исключением специфических особенностей, влияющих на его рыночную стоимость как товара. Оба человека ощущают ценность дома, но в первом случае она является делом личной привязанности, а во втором – экономического расчета⁵.

Р. Сэк считает, что «мир полон мест, но <...> когда мы быстро передвигаемся и не обращаем на них большого внимания, они имеют тенденцию сливаться, так что наш опыт – это опыт движения в пространстве» [Sack 1997:31]⁶. Движение изменяет опыт: личная причастность к месту становится абстрактным взглядом на пространство. Но Сэк утверждает, что в реальности пространство – не более чем то, что определено естествоиспытателями: фундаментальное понимание физической реальности. Согласно Сэку, «это пространство не является культурным артефактом; оно не сконструировано культурно» [Sack 1997: 32]. Это земное пространство «абсолютных» местоположений, с которыми мы имеем дело, используя координатную сетку⁷. Всё где-то находится, и местоположение чего-либо может рассматриваться как место, но Сэк считает такие места «вторичными» (*secondary*).

Когда место, а не только находящиеся в нем вещи, является фактором – когда оно влияет, воздействует и контролирует – это первичное место. Первичные места включают в себя человеческие поступки и намерения и обладают способностью изменять вещи <...> Первичное место более искусственно или культурно сконструировано, чем вторичное. Это не означает, что первичное место, или его сила, – в чистом виде понятие. Напротив, первичные места имеют основанием физическую реальность, а также фактическое расположение и взаимодействие вещей в пространстве. Их сила заключается в том, что они могут также менять это расположение и взаимодействие [Sack 1997: 32].

В противоположность этому «социальное пространство» – абстрактное понятие, представление о мире извне, *как если бы* можно было вырваться из реального пространства [Sack 1997:86]. Зачастую данная точка зрения на пространство инструментальна, это прицельный взгляд, вроде «видения государства» [Скотт 2005], или застройщика, градостроителя, генерала. Каждый в определенной мере «видит» подобным образом, когда пытается мысленно нарисовать отдаленные места или пройти по незнакомой местности. «Социальное пространство» может служить вместилищем для знаний или представлений о «невидимой среде» [Лип-

---

⁵ Если я правильно понимаю Лефевра, то «дом как жилище» иллюстрирует у него «пространство репрезентации», а «дом как товар» – «репрезентацию пространства» [Лефевр 2015: 54-59].

⁶ Блестящее объяснение того, как это произошло, см. в [Schivelbusch 1986: 33-44].

⁷ «Абсолютное местоположение» в этом смысле не имеет никакого отношения к концепции Лефевра об «абсолютном пространстве», «произведенном кровными, территориальными, языковыми сообществами» [Лефевр 2015:62].

пман 2004], вместилищем, которое мы, учителя географии, стремимся заполнить с теми же шансами на успех, что и Сизиф. Но пространства могут являться результатом редуктивного анализа, часто функционального или идеологического по своей природе.

Сэк призывает нас

задуматься о том, как конкретное событие или процесс (например, образование, работа, бедность или такие категории, как смысл, природа, социальные отношения и самость) проявляются как череда мест *{series of places}* [Sack 1997: 255]⁸.

Для понимания значимости места идея самопроявления «как череды мест», возможно, наиболее наглядна. Как пишет Дж. Мэлпас, самость не существует отдельно от процесса проживания и деятельности в местах, но, напротив, «структура субъективности вписана в структуру места» [Malpas 1999: 35]. Место неизбежно принимает участие в непрерывном формировании идентичности человека и взгляда на других людей. Когл завершает свою замечательную книгу «Странные места» напоминанием о том, что «человеческое тело всегда локализовано, ведет определенную жизнь в определенном месте, бок о бок с другими, хорошо это или плохо» [Kogi 2008:143]. Совместное проживание в одном месте способствует формированию коллективной идентичности, которая исключительно важна для возникновения общественного движения [Polletta, Jasper 2001; Greene 2014].

Латур задает вопрос: «Где на самом деле производятся структурные эффекты?» [Латур 2014: 245]. Ответ: в местах, а не в каком-то огромном так называемом социальном пространстве. Это вовсе не означает, что места полностью самодостаточны. Как пишет Когл, «потоки нарушают целостность мест не более, чем еда нарушает целостность тела животного, а разговор – целостность личности человека» [Kogi 2008: 61]. Можно сказать, что места создают *пространственные эффекты*, поскольку все связи между местами, которые, как представляется, образуют социально-пространственную структуру, должны быть произведены в самих местах. Здесь уместно привести выражение Латура: «структурирующее место» [Латур 2014: 247].

Альтернативой является взгляд на места как на части целого – социального пространства. Но это целое, которое мы не можем увидеть, измерить или описать отдельно от «этого», являющегося всем, или всего, находящегося в «этом». Более того, подобный подход делает общество под личиной социального пространства скорее причинной силой, чем динамикой одномоментных итогов бесчисленных активных связей людей и вещей. Социальное пространство становится константой, а места рассматриваются как проявления, вариации, примеры или символы внутри него. Начинать объяснение с «социального пространства» значит ошибочно отождествлять следствие с причиной.

Тогда с чего же начать? Латур призывает практиков АСТ – «социологов ассоциаций» – начать с «картографии разногласий по поводу образования групп» [Латур 2014: 47]. Мой подход в данном исследовании заключается в том, чтобы проследить за разногласиями по поводу организации городской среды. Я отношусь к месту не как к вещи, а как к процессу, то есть как к определенным образом созданной и локализованной комбинации процессов. Места должны быть обустроены, и они продолжают существование лишь в том случае, если их поддерживают и иногда переустраивают – энтропия не дремлет. Места, как подчеркивает Латур, состоят не только из человеческих существ и других биологических форм, но также из неодушевленных предметов. Изучая фактическое обустройство среды обитания, гуманитарная география уже довольно давно имеет дело с реально существующими комбинациями того, что Латур называет «несоизмеримым». Региональная география, например, предлагает бесчисленные примеры

⁸ Хроногеография («география времени»), основы которой были заложены Т. Хегерстрандом, представляет собой детально разработанный подход к пониманию «жизни как череды мест». В этом отношении сильное влияние на мое мышление оказала работа А. Преда [Pred 1981a; Pred 1981b; Pred 1984].

изучения мест, которые можно представить как имеющие собственный уникальный характер, но состоящие из различных людей и предметов, имеющих связи, которые выходят за пределы места и момента. Трудность всегда заключалась в том, чтобы отразить динамику формирования региона, не ограничиваясь статистическим описанием выявленных особенностей.

Предметом основного внимания данного исследования является противодействие разрушению материального культурного наследия, принудительному переселению жителей и уплотнительной застройке. В случае с сохранением наследия в действие вступают различные несоизмеримые величины. Заметную роль играют конкретные физические характеристики здания. Для начала, чем хуже его состояние или накопленный износ, тем выше затраты на реставрацию. Решающим фактором могут стать физические характеристики местности, например геологические и гидрологические условия. Важен и внешний облик здания – это также физическая характеристика, но при этом обладающая и культурным значением. Является ли здание образчиком массовой застройки или последним в своем роде – разница существенная. А внешний облик – лишь одна из составляющих истории, которую можно поведать о старинном сооружении, чтобы внушить общественности чувство любви или неприязни.

Крайне важно и относительное местоположение объекта: близость к Кремлю и Красной площади гарантирует значимость постройки в глазах общественности. Помимо конкретного физического местоположения здание может присутствовать и в коллективном «пейзаже памяти» (*memoryscape*) [Yoneyama 1994; Phillips, Reyes 2011]. Люди привязываются к местам, где живут; история места – это и их история. Понимание того, чем является город или район и во что он не должен превращаться, возникает из образа(ов) города, который сложился у жителей. Специфическая привязанность к общему месту делает это место «силой», как утверждает Сэк. Такие образы можно использовать для мобилизации градозащитников на местном уровне и привлечения поддержки со стороны⁹.

В случае двух последних типов локального противодействия застройке наиболее значимая комбинация «несоизмеримостей» – сочетание различных точек зрения на спорные места. Жители защищают свои дома и округу – места, где они проживают физически и к которым привязаны эмоционально. Город «видит как государство», то есть рассматривает здания и пространства как возможности для развития (и, возможно, личного обогащения), а не как жилые дома и их окружение. Однако свою роль играют также физические характеристики местности и относительное местоположение.

На редевелопмент заметно влияют колебания экономической активности. Городским строительством ведают фактический режим управления и формальная политическая структура, а они по ходу дела меняются. Помимо этого, большое влияние оказывают соответствующее законодательство и, что еще важнее в случае с Москвой, профессионализм и независимость судебной власти или их отсутствие. Население может сохранять приверженность старым социальным «траекториям», способам взаимодействия и достижения целей, но появляются и новые возможности, например Интернет. И вероятно, труднее всего оценить влияние на процесс переустройства территории личных качеств людей. Необходимо учитывать все вышеперечисленные несоизмеримые факторы, насколько позволяют имеющиеся данные.

Наиболее последовательный агент переустройства Москвы – городское правительство. При Лужкове редевелопмент осуществлялся торопливо и в массовых масштабах; он подпитывал городскую казну, а городские чиновники делали на нем состояния. Но даже в период более рационального и профессионального правления мэра Собянина городская власть не может избежать участия в обустройстве городской среды. В этой связи Каннаво основывает свое замечательное исследование «Работающий ландшафт» на предположении, что «вся деятельность

⁹ См., например, выдающееся исследование М. М. Закировой, посвященное роли привязанности к месту и устоявшимся образам города в борьбе с уплотнительной застройкой исторических кварталов Санкт-Петербурга [Закирова 2009].

по созданию и сохранению мест по сути является политической» [Cannavo 2007: 210]. Кроме того, усилия местных градозащитников могут иметь более широкие последствия. Когл утверждает, что «градозащитная политическая деятельность важна и сама по себе, и как потенциальное средство для развития чувства гражданской сознательности» [Kogi 2008: 123]. В контексте путинской России и в свете советского прошлого любая политическая деятельность приобретает повышенное значение.

В следующей главе рассматриваются «призрачный переходный период» и современная политическая обстановка в России с акцентом на местной градозащитной оппозиции. Туда же включен краткий «путевой дневник» с беглыми зарисовками посещенных мной мест, которые наложили неизгладимый отпечаток на мое понимание Москвы.

Глава вторая

Два переходных периода

Призрачный переходный период¹⁰

Пора перестать смотреть на Россию так, словно она находится в процессе незавершенного переходного периода. Россия совершила переход, однако не туда, куда надеялись многие западные ученые [Evans 2011: 49].

В «рамочном комментарии» к подборке статей о выборах 2003-2004 годов в России А. Ослунд ставил вопрос: «Но почему русский народ отвернулся от свободы и демократии?» [Aslund 2004: 282]. Справедливости ради, Ослунд, по-видимому, лишь обобщил объяснения, предложенные разными наблюдателями, почему Россия не оправдала их ожиданий. То, что страна «отвернулась» от свободы и демократии, объясняли, помимо прочего, «тяжелым историческим бременем авторитаризма» и «усталостью людей от политики». Подобные представления имеют определенный резонанс и широко распространены. Но действительно ли у людей есть возможность «повернуться» к свободе и демократии или «отвернуться» от них? Разве «демократия» – нечто *такое*, на что человек просто соглашается либо не соглашается, как на членство в Лиге женщин-избирателей? А «свобода» – что-то *такое*, от чего можно отказаться, как от десерта?

Как будет показано ниже, администрация Ю. М. Лужкова проявляла заметное самоуправство в градостроительной сфере, практически не давая населению Москвы права голоса. Самоорганизовавшись и проявив активность, москвичи получили больше возможностей участвовать в обустройстве жилой среды – преобразовании своих районов, привычных мест и города в целом. В этом отношении более уместной и продуктивной, чем понятие о свободе как о материальном имуществе, которым люди обладают или которого лишены, представляется точка зрения Дж. Дьюи:

Свобода заключается в направленности поведения, которая делает возможности выбора более разнообразными и гибкими, более пластичными и осознающими собственное значение, в то же время расширяя диапазон их беспрепятственного функционирования. В подобном представлении о свободе есть важная подоплека. Общепризнанная теория свободы воли и классическая теория либерализма дают определение свободе на основе чего-то априори заданного, уже имеющегося... В то же время наша концепция заставляет искать свободу в чем-то нарождающемся, в своего рода развитии; скорее в последствиях, чем в предпосылках. Мы свободны не из-за того, что существуем статично, а потому что со временем становимся другими, отличными от тех, какими были ранее [Dewey 1993: 136].

Убежденность в том, что Россия до известной степени примет свободу и демократию, была порождением своего времени, хотя и коренилась в привычном идеологическом наследии. После распада СССР появилась выразившаяся в концепции «переходного периода» надежда, что Россия станет «нормальной» страной [Sh-leifer, Treisman 2004]. Россиянам предлагалось

---

¹⁰ Тема данного раздела – «переход», которого в России не произошло. Но подзаголовок является также данью уважения У. Липпману, в частности его сочинению «Призрак Общественности» [Lippmann 2009].

принять демократию, плюрализм, мультикультурализм, инвайронментализм, феминизм и верховенство закона наряду с другими завозными товарами.

Надежду на то, что Россия станет «нормальной страной», разделяли многие, особенно американские политологи. Ф. Фукуяма считал, что с крахом социалистического лагеря наступил «конец истории», поскольку либеральная демократия и капитализм как будто окончательно и бесповоротно взяли верх над всеми альтернативными политико-экономическими формациями [Фукуяма 2010]. Подобным же образом завышенные ожидания проявились в «транзитологии», которая столь пристально сосредоточилась на «переходе» к нормальности, что практически не приняла в расчет отличительные особенности России и неизбежную живучесть исторической преемственности.

Дьюи утверждал в 1927 году, что «невозможно» начать с *«tabula rasa»* дабы поспособствовать установлению нового строя» [Дьюи 2002:118]. Взгляд Дьюи на «революцию» в Соединенных Штатах, включавшую такие демократические реформы, как превращение Сената в выборный орган и распространение избирательного права сначала на афроамериканцев мужского пола, а затем и на всех взрослых женщин, отлично применим к «переходному периоду» в России 1990-х годов, когда появились «олигархи».

Действие механизма политической демократии привело не к всеуничтожающей революции, а главным образом к переходу законной власти от одного класса к другому. Мало кто из людей <...> обнаруживал компетентность в ведении дел, приносящих денежную прибыль, равно как и в том, какой должен быть новый правительственный механизм, способный обслуживать их интересы. Для того чтобы при использовании тех или иных политических форм уйти от влияния глубоко укоренившихся в нас привычек, прежних институтов, привычного социального статуса (с присущим всему этому ограничению ожиданий, желаний и требований) понадобится вывести новую расу людей [Дьюи 2002:117-118].

Транзитология, по словам С. Коэна, предлагала «изучение России без России» [Коэн 1999]. Многие критики считали, что на транзитологию, как и на более раннюю «теорию модернизации», повлияла телеологическая концепция прогресса. Обе вышеназванные теории несут на себе явное клеймо «сделано в США»¹¹. У. Липпман определил эту тенденцию задолго до появления обеих теорий, используя предложенный им термин: «Имея перед глазами стереотип прогресса, американцы в своей массе видели очень мало из того, что не согласовывалось с представлением о прогрессе» [Липпман 2004: 120].

Пытаясь уверить, будто переходный период станет прогрессом в желательном для них направлении, американские транзитологи оценивали российскую действительность в свете скорее демократических идеалов (то есть стереотипа), чем американской политической действительности¹². Предполагалось, что русские примут демократию, но никто не утверждал, что они при этом должны создать собственную коллегию выборщиков или продублировать американскую лоббистскую индустрию. Несмотря на заметные изъяны политической жизни США, американские «эксперты по демократии» явно рассчитывали, что Россия купит сделанный в США идеальный комплект целиком. Дьюи, напротив, полагал, что «демократического ком-

¹¹ Р. Л. Текеш прослеживает происхождение транзитологии до Вашингтона, округ Колумбия, а точнее, ученых Института Кеннана и профессиональных «экспертов по демократии» из правительственных учреждений и неолиберальных «аналитических центров» [Tokes 2000].

¹² Мое намерение здесь заключается в том, чтобы подчеркнуть отличие данного исследования от транзитологии, а не в том, чтобы тщательно анализировать или критиковать последнюю. Дж. Ганс-Морс [Gans-Morse 2004] делает обширный обзор соответствующей литературы и дает оценку транзитологии, относительно позитивную по сравнению с теми, которые предлагают, в частности, С. Коэн и Текеш. Ганс-Морс утверждает, что транзитология не телеологична, а, скорее, рассматривает «переходный период как движение от одного идеального типа к другому» [Gans-Morse 2004: 323].

плекта», который могут приобрести или от которого могут отказаться другие страны, никогда не существовало.

Процесс развития политической демократии представляет собой слияние огромного числа социальных движений, ни одно из которых не обязано своим появлением либо своей мотивацией ни демократическим идеалам, ни ориентацией на некий запланированный исход [Дьюи 2002: 63-64].

Сегодня многие наблюдатели выражают разочарование нынешним российским режимом, который, казалось бы, разбил надежды на «переход» нации к демократии. Собственно говоря, не подлежит сомнению, что выборы фальсифицируются, а оппозиция подвергается гонениям. Вместо того чтобы обеспечивать законность, судебные и законодательные органы часто служат орудием власти имущих. «Неудобных» журналистов преследуют, арестовывают, избивают и лишают жизни. Один из крупнейших лидеров оппозиции путинскому строю Б. Е. Немцов был убит в двух шагах от Кремля. Власть притесняет неправительственные организации (НПО), имеющие зарубежные связи. Главные телевизионные каналы прямо или косвенно контролируются федеральным правительством. И все же президент В. В. Путин, несмотря на оппозиционные митинги 2011-2012 годов, продолжает пользоваться поддержкой населения, и этот досадный факт приводит некоторых к заключению, что российский народ просто не готов к демократии.

Картина неприглядная, но, возможно, некоторая ее мрачность объясняется тем, что такой она видится нам, на Западе. Быть может, напрасно было ожидать, что большинство россиян посвятят себя служению отвлеченным идеалам, особенно если учесть, что они лишь недавно отказались от иллюзорной идеологии, десятилетиями определявшей смысл существования [Юрчак 2014]. К тому же многие из тех, кто после распада СССР провозгласил себя «демократами», вскоре стали восприниматься обществом как лжецы и воры [Fish 2005: 132]. Наконец, когда «переходный период» обернулся «перманентным кризисом», простые люди оказались заняты борьбой за выживание и приобретением «опыта существования в эпоху постсоциалистического упадка» [Shevchenko 2009]¹³. Когда стало легче и доходы немного выросли, люди предались безудержному потреблению всех тех товаров, которые были недоступны в советское время [Chebankova 2011].

Нас заботит происходящее в обществе, но в первую очередь мы заняты решением личных проблем. Время и внимание, которые мы можем потратить на то, чтобы не принимать на веру чужие мнения, ограничены [Липпман 2004: 74].

Когда возникали проблемы, люди пытались решить их неофициально и незаметно, при помощи своих друзей и знакомых, как делали всегда [Petukhov 2006; Clement 2008: 69-73]. Хотя подобные связи могут обладать определенным потенциалом гражданского участия [Gibson 2001], большинство наблюдателей считает их препятствиями на пути к демократизации. Большинство россиян по-прежнему считают для себя неприемлемым открыто участвовать в политической жизни. Это «грязное и безнравственное занятие» [Shomina et al. 2002: 265]. М. Говард подробно описывает эту «слабость гражданского общества», характерную для всей посткоммунистической Европы:

Здесь между частной и общественной деятельностью до сих пор гораздо меньше точек пересечения и взаимодействия, чем в обществах других типов, поскольку тесные семейные и дружеские связи считаются по определению обособленными от более широкой общественной, подконтрольной государству

---

¹³ «Беспрецедентная социальная катастрофа в России <...> делает дискуссии о “гражданском обществе” в России в настоящее время еще более вымученными и искусственными, чем десять лет назад» [Domgin 2003: 211].

деятельности и антагонистичными ей. <...> В общественной сфере по-прежнему представлено очень мало гражданских объединений, а посткоммунистическое население почти не имеет (и не хочет иметь) контакта с организациями, через взаимодействие с которыми оно могло бы приобрести своего рода общественные «гражданские навыки», полезные для общества и демократии [Howard 2003: 154-155].

Другие ученые пришли к аналогичным выводам относительно России и большинства стран, вышедших из состава СССР [Bashkirova 2001; Fish 2005; Hedlund 2008; Ledeneva 2006; Rimskii 2008]. Во всяком случае, общая картина ухудшается. Несколько лет назад Дж. Джонсон и А. Сааринен оценивали российское гражданское общество путем исследования женских кризисных центров, зависящих от поддержки НПО, и пришли к выводу, что движение «задыхается в недружелюбном окружении» [Johnson, Saarinen 2011]. Рассматривая вопрос в национальном масштабе, «Фридом хаус» («Freedom House») классифицирует Россию как «консолидированный авторитарный режим» и понизила ее общий рейтинг за 2013 год из-за «упадка гражданского общества» [Nations 2014].

Но надо ли нам искать *нечто*, называемое гражданским обществом?¹⁴ И как бы оно могло выглядеть? Более продуктивным представляется рассмотреть то, что можно было бы назвать *деятельностью гражданского общества*, когда граждане самоорганизуются, чтобы изменить или повлиять на исход событий, вызвавший у них недовольство. Именно так, по мнению Дьюи, появляется общество [Дьюи 2002: 7-30].

Общество состоит из всех тех, кто испытывает воздействие косвенных последствий [чужих] транзакций до такой степени, что возникает насущная необходимость держать их под систематическим контролем [Дьюи 2002: 15-16]¹⁵.

Однако необходимая предпосылка для формирования общества, способного действовать, – адекватное понимание причин «транзакций», повлекших за собой нежелательные последствия. Липпман высмеивал «общепринятый идеал всеведущего гражданина», притом что в действительности общественно-политические процессы, влияющие на жизнь обывателей, «большой частью невидимы» [Lippmann 2009:11]. В России испокон веку стояли два ключевых политических вопроса: «кто виноват?» и «что делать?». Как правило, если виновный не найден, то ничего и не поделаешь. Примером может служить вопиющая проблема невыплаты заработной платы в 1990-е годы. Вероятно, ее можно было бы счесть доказательством отсутствия в России гражданского общества. Однако Д. Джавелин [Javeline 2003] в своем важном исследовании установила: люди не могли организовываться и принимать меры главным образом потому, что не знали, кого винить.

Москвичи и другие жители столицы часто называют Москву «большой деревней». В действительности это далеко не так; население города – около 12 000 000 человек – превышает население многих государств. Но основная часть его жителей проживает на относительно небольшой территории. До присоединения в 2011 году Новой Москвы (части территорий Московской области) столица являлась столь же густонаселенной, как Гонконг [Argenbright 2011]. Около 95% ее населения по-прежнему сосредоточено в Старой Москве. Прозвище Большая деревня сохраняется, возможно, потому, что человек может ощутить себя лично знакомым с большей частью города. Москвичи, вероятно, знают родной город куда лучше, чем остальную

¹⁴ Мое внимание сосредоточено на действиях и изменениях, а не на определении границ понятия «гражданское общество». По последнему вопросу существует множество мнений, однако очевидно единодушие в том, что такие сообщества, как «инициативные группы» и «социальные движения», подобные обсуждаемым здесь, – неотъемлемая часть гражданского общества [Henry, Sundstrom 2006].

¹⁵ Более уместным в данном случае представляется перевод «публика» или «общественность». – РА.

страну – самую большую в мире. Московские градоначальники и другие влиятельные лица, как правило, пользуются известностью, не в последнюю очередь потому, что столичные события освещаются средствами массовой информации подробнее, чем новости любого другого российского региона.

И Дьюи, и Липпман пытались понять, как переход от демократии небольших поселений, наподобие той, которую идеализировал Т. Джефферсон, к «Великому обществу», сформированному международными связями, укрепившимися в «век машин», повлиял на реалии и потенции демократического государства и общества. Оба прагматика были единодушны в том, что можно выразить словами Липпмана: «Главная проблема самоуправления – проблема оперирования невидимой средой» [Липпман 2004: 363]. Москва – не деревня, в которой можно лично знать обо всем происходящем; это мировой город XXI века. Однако человек в хорошей физической форме может обойти Старую Москву всего за день. И как покажет, я надеюсь, данная работа, СМИ, особенно ведущие газеты, действительно освещают для внимательного читателя многое из того, что происходит в столице. В Москве, в отличие от России в целом, гораздо легче установить, «кто виноват», если что-то идет не так. А поскольку жители лучше осведомлены о проблемах, существующих у них под боком и непосредственно влияющих на их жизнь, они с большей вероятностью сумеют определить, «что делать».

Он [теоретик демократии] был поглощен одним интересом: самоуправлением. Человечество же интересовалось огромным количеством вещей: порядком, правами, процветанием, звуком и изображением. Оно стремилось разными способами избежать скуки <...> А так как искусство самоуправления не является врожденным инстинктом, то люди и не стремятся к самоуправлению как к таковому. Они стремятся к самоуправлению ради результатов, к которым оно ведет. Именно поэтому импульс самоуправления всегда бывает наиболее сильным, если он выливается в протест против плохих условий существования [Липпман 2004:294].

Недвусмысленный уклон путинского правления в сторону авторитаризма не покончил с политикой в российских городах. Чтобы увидеть это, нужно переключить внимание с того, чего *нет*, на то, что *есть*. Выяснилось, что недостаточно одних лишь личных связей для решения проблем, вызванных городской реконструкцией, особенно в Москве, где «градостроительство» развивалось наиболее быстро и масштабно. Этот процесс нарушил привычный уклад жизни людей, и, каким бы «неестественным» это ни казалось, многие осознали, что обязаны заявить публичный протест [Clement 2008: 75-76].

Российский исследователь утверждает, что «гражданам России действительно недостает таких важных составляющих политической культуры, как гражданская ответственность, самоорганизация и умение отстаивать свои права и интересы» [Petukhov 2006: 13]. Локальная оппозиция редевелопменту, наряду с другими московскими протестами и движениями, показывает, что эти «составляющие» уже не в таком дефиците, как ранее, поскольку столичные жители работали над этим. Москвичи самоорганизовались и начали действовать, хотя в первую очередь не ради общества или демократии. Появляются новые группы общественников, способные оказывать серьезное воздействие. Возможно, они никогда не сольются в то самое единое гражданское общество, которое столь часто обсуждалось теоретиками¹⁶

¹⁶ Российскому гражданскому обществу посвящена весьма обширная литература, большая часть которой датируется первыми 12 годами существования постсоветской России. К более поздним исследованиям в данном направлении относятся работы С. Хендерсон [Henderson 2011], считающей, что главная проблема, с которой сталкиваются НПО, – апатия общества, а также С. Любовниковой, Дж. Кротти и П. Роджерса [Ljubownikow et al. 2013], подчеркивающих зависимость российского гражданского общества от государства. Недавние всесторонние, объемные исследования российского гражданского общества [Chebankova 2013; Evans 2006].

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.